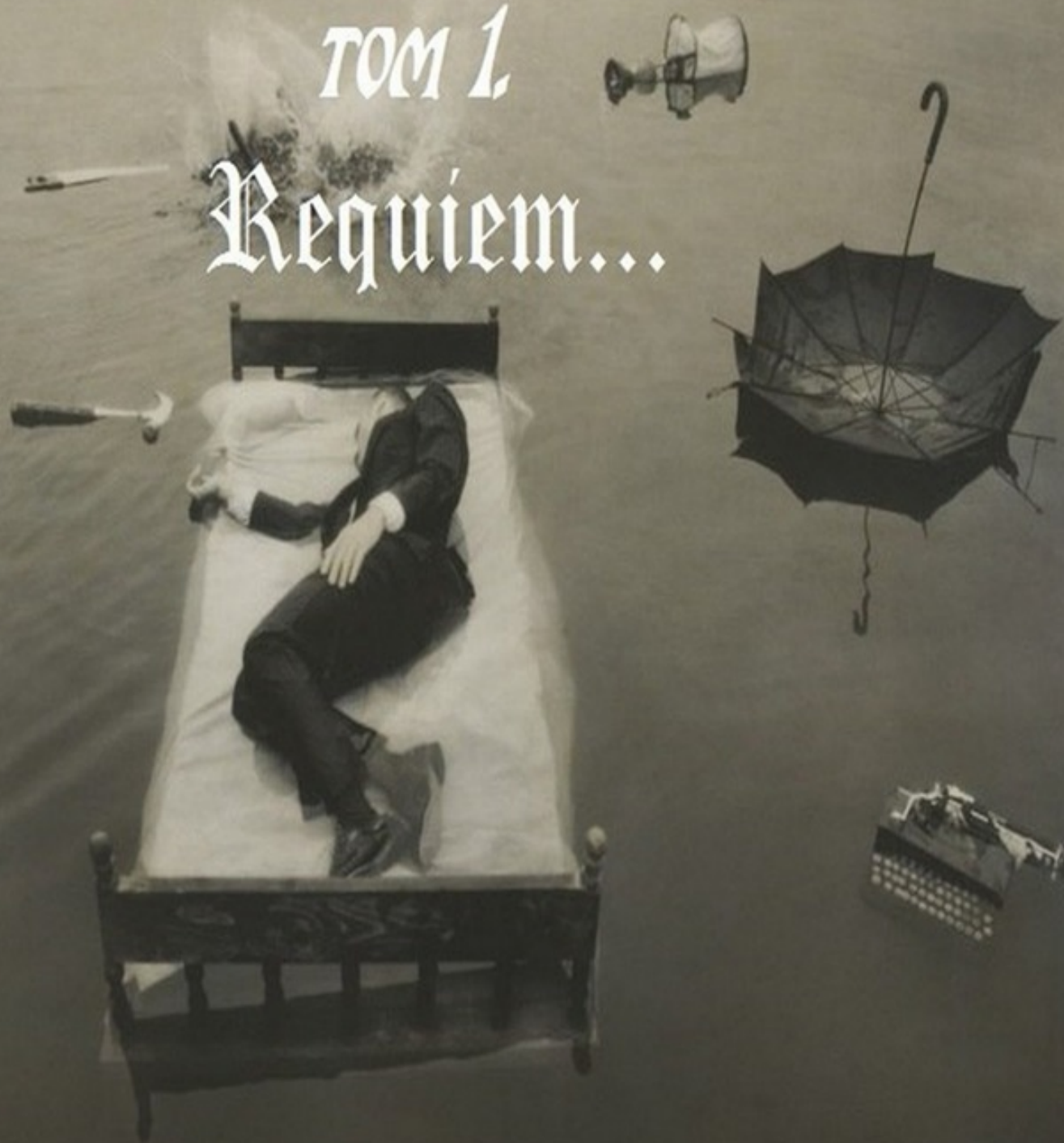

Сергей Кателевский

Дневник Неудачника

том 1.

Requiem...

Э
С
И
Д
О
Б
Е
-
Т
А
Р
А
Т
О
В
А
Я
Л
И
Т
Е
Р
А
Т
У
Р
А

Сергей Котелевский

Дневник неудачника.

Том 1. Requiem...

«Издательские решения»

Котелевский С.

Дневник неудачника. Том 1. Requiem... / С. Котелевский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851758-7

«Дневник неудачника» — серьезная экзистенциальная вещь в себе, если так можно выразиться по-русски... Рефлексия окружающей главного героя действительности с точки зрения самого Арт-Хауса... Эксперимент видения, переживание проблем и сосуществования в самости-непредсказуемости жизни делают произведение непохожим ни на какое другое...

ISBN 978-5-44-851758-7

© Котелевский С.
© Издательские решения

Дневник неудачника Том 1. Requiem...

Сергей Котелевский

*Cognoscentis, addit et laborem...**

**Познавший умножает скорбь...*

© Сергей Котелевский, 2017

ISBN 978-5-4485-1758-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Высохшую ветку старого ясеня колыхает прохладным ветром... В осеннем небе юркие птицы кличут друг дружку: «Как жизнь? Как жизнь?» И т.д...

Женщина перед зеркалом расчесывает волну шелковистых волос...

Я когда-то писал стихи...

Год истекает. Нескончаемое желание выются, как ласточки влетают в полуприкрытые окна. Радостно кричат... Женщины будут ещё или всё уже?.. Пусть появляются или уходят. Кончилась терпеливость слепого, ждущего их шагов. Знаю, настанет день, когда потеряет смысл стремление что-то сделать и мука, что не сумел...

Дети бормочут во сне... Матери просыпаются... В двери стучатся ничейные женщины, плачут – не открывают им... Я – озлобленный неудачник. Мои неудачи скандируют лозунги перед запертыми дверьми: «Выполнить наши требования! Хлеба и масла!» Привстав, затворяю окна, запираю двери, застегиваюсь на все пуговицы, поспешно царапаю на пожелтевшем клочке: «Я сам повинен в своих неудачах». В один прекрасный день – война ли не война – моё сердце перестанет биться... Умру, хоть и не герой. «Что делать». Это – не вопрос, а мой ответ...

Не умею кукарекать в полдень... Не кукарекаю. Не умею смиренно вымаливать любовь. Не вымаливаю... Не могу вспыхнуть ярче всех кинозвёзд. Ну, не могу. А что не могу и не умею – то не моё... И никто не обязан быть тем, что он не есть... Я сочувственно слушал чужие стоны. Старался убедить себя, что разделяю чужую боль, – не вышло. Стоит непреодолимый барьер меж мною и другими... Пытался любовью к людям поломать барьер. Не вышло. Вскочить и крикнуть из окна...

Сходить в бюро трудоустройства. На почту и ещё на почту... Вернуться в мою эпоху с заявлением: «примите на работу»... или с любовным письмом...

Как безымянна и безмерна дистанция между шагами. Но я ж не делал шагов. Я примерялся. Да нет, не надо лгать – я растоптал себя... Я не один – со мною был другой. Он шёл со мной, он поднимал, когда я падал, и клал, как кошелёк, себе в карман...

Я знаю – так устроено, чтоб человека растрчивал другой, и каждый – только деньги для другого, а тот – для третьего... Сегодня голос мой силен, а завтра я его растрчу – как будто ночь провёл у проституток. Что же всё-таки хотел добиться, стараясь нравиться? Прийти как раз к тому, что есть, – за занавеской пальмы, бескрайнее море...

Растратив себя, ждешь... Кто ждёт, пусть ждёт. Кто занял очередь, пусть в ней стоит. Кто нежится в объятиях успеха – пусть. Кому хотелось женщин и сокровищ – пусть набивают трюмы. И пусть другие, как грузчики на берегу, завидуют. Одни пускай готовят для продажи иконы революций (или контр-). Другие пусть клянутся демократией утра до ночи...

Я – не могу.

А что я не могу, то не моё...

* * *

У кого солдатские бинокли, те смотрят вдаль, сделав ставку. А ты видишь только то, что перед тобой...

Ничего не ясно: всё может быть, через минуту всё может быть, одно только ясно: ничего не ясно... Одно только ясно – это бега. С убийственным храпом рвутся взмыленные кони по моим жилам, замертво падают на финишной черте... Надменно позирует номер девять, каучуковое копыто прямо в мою грудь, кто, говорит, выиграл, я или ты? Давайте ещё раз. Отдай моё везенье...

Грандиозно движется вселенский парад победителей через двадцатый век. А ты кто? Что, тебя обскакали? Или ты сам с круга сошёл?.. Скоро стемнеет на берегах «Сакраменто», скоро ювелиры запрут свои лавки... Давай решай скорее – за кого ты? Где здесь судьи? Кто за побеждённых?..

В высоком просторе кружит коршун, равнодушный к земле...

Дом. Любовь. Стихи. Родные. Одно за другим все осталось позади. Ставка на меня... Мчусь сквозь потоки ветра, весь в хлопьях пены, а неугомонные желания стремительно подхлёстывают меня...

Ага-хан, скольких обойти мне? Никто не сказал мне до этих бегов, в скольких городах, в скольких жизнях я должен пройти круг одинаковых ситуаций и одинаковых выводов...

Проиграв на «Сакраменто», тот же самый я, всё в той же надежде иду в каждый дом, стону от боли, всем знакомым стоном... Ну, меня надули, но кто надул?.. Судьи надули? История?.. Кто?.. Сейчас ты Победитель, а кем ты был? Был хоть чуть романтиком? Был хоть чуть-чуть собой?..

Эпоха тащится, как загнанная лошадь... Боишься смерти, живёшь в сером мире без чудес, отвечаешь прямо на все вопросы истории... Завтрашний диктатор, где ж ты до сих пор был? За убийством Ганди не ты ли стоял?.. Жаловаться без толку – нет правил; все разрушено, даже сознание...

Собирайте доказательства, что я существую... Уволакивайте награбленное... Пустует ограбленный Аминтотех... Если можешь – строй вечный город...

...Когда молчаливым упреком приходит на память мальчонка с подбитым глазом, я их всех опять вспоминаю...

Отец – здоровый, как бык, старый грузчик, пропитанный угольной пылью, пьянчуга и бабник, любитель подраться...

Мать – бледная, как кувшин, с которым бежит она утром на рынок, и грудь у нее – как доска, и волосы цвета соломы, и мягкое сердце...

Живут они в полуподвале: там лестница пахнет известной эссенцией «Кошки и сырость», а комната – щами и жареным луком; в ней пусто, лишь сохнет полинялое белье на веревке, а солнце там видят не чаще, чем аэроплан...

Когда молчаливым упреком приходит на память мальчонка с подбитым глазом, я их всех опять вспоминаю...

* * *

ШКОЛЬНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ О КАРТЕ МИРА...

...Мы глобус-голову весело вертели в детстве, цветастые извилины переводили на бумагу, слегка царапая поверхность давно знакомого пятнистого лица, смотрящего на нас,

будто готово к драке... Повешенный на стену, в виде карты, весь этот мир казался неподвижным, но мы-то знали, что на его долготах и широтах ходили люди, строились дома, тонули города и рушились утесы... А позже, путешествуя по карте, мы прыгали через Волгу, вступали на незнакомую землю... И в сумерках затем мы неуклюже свёртывали карту, упаковав в нее все льды и пляжи... И, запихнув все это в карман потрёпанного пиджачка влезали вновь в границы своего суетного мира, в нашу крошечную страну без названия...

* * *

ГОРОД-ZERO...

Почти десять квадратных километров людского шлака и заводских выбросов, нет ни работы, ни хлеба поэтам в этой стране...

* * *

...Это было кашне цвета старинного золота, оно сопровождало меня по жизни в течении трёх лет нищеты и славы, любви и ненависти, трёх лет одиночества на улицах, тёмных и узких, как гроб, пока безжалостные струи дождя чертят зеленоватые линии на бронзовых лбах монументов... Это кашне цвета старинного золота, купленное кем-то, наверное, в туманах Генуи (за 500 лир при въезде в Европу) ... Кашне – знамя вольной свободы, знамя великой поэзии. В мире стертых камней, где человек тщетно и вечно алчет обновления, чтоб только не стариться, чтоб только не умереть... Это кашне цвета собаки с улицы Ленина (На этой улице вечно идёт либо дождь, либо снег). Я только что потерял его, оно осталось там, позади, а с ним и частица моей юности. И это сегодня, когда плесневелая сырость поселилась в холодных стенах, когда мертво-тихая ночь проникает повсюду и с нею леденящая дрожь обнажённых ветвей...

* * *

...Никто меня не позовёт, ничей голос меня не окликнет по имени. Почему бы кому-нибудь да и не вспомнить, что я существую? Ну, хоть бы другу, которому я одолжил рубаху, или женщине, на которую я заглядывался с самого дна души. Так одинок я с глазу на глаз с памятью, что решаюсь: пускай меня окликнут, назовут мое имя, хоть подшутят, что ли, чмокнут в щеку. И хоть чуть-чуть полюбят таким, каков я с изнанки, и позовут, и назовут моё имя...

* * *

Я не больно силен в истории и не острою на латыни, не пишу по-английски. Мне не дали ничего, кроме меня самого; о разных историях, в которые я углубляюсь, мне удастся прочесть в книгах, взятых у друзей и знакомых. Ни чинов у меня, ни званий нет, и в школе я никогда никому не служил примером. Старший братишка давал мне кусочки колбаски, чтобы не хныкал. А время тех моих лет текло и текло между пальцев и не только бороздило лицо – даже в скелет просачивалось. И теперь всего себя чувствую как бы изнутри этой жизни и этого времени. Вот всё, что в наследство досталось мне, – это скука да несколько штук могильных камней, среди которых читается и фамилия моего братика... А ещё у меня есть кость-амулет, душа, велосипед...

* * *

...В этом ублюдочном городишке в парочке блевушечных кабаков торгуют третьесортной сердечностью. В этом суетливом, никчёмном городишке не найти друзей и плотный туман событий постепенно окутывает нас: сквозь него галактика видится нам красной истинной брошенной в бесплодную почву, на засохший росток человеческий, чьё место где-то не здесь, да, все мы здесь чужие... Цветочно-изнеженный разум – это переполненная ночлежка, набитая до отказа вопреки избытку испарений, рядом завод по перегонке спирта – самое мощное промышленное предприятие, и это означает пресыщённость умов, нехватку дружеского общения.

* * *

...Средь грязных, сутулых забойщиков, в три центнера толкаешь вагонетку – за блеском спин, красных, как в живодёрне, я вдруг вижу плешивого малолетку. Белеет череп яичной скорлупой – ты высекаешь искры этой ночи, слепой, не привычный к дневному свету, заживо погребенный рабочий, не читающий сонетов. Ты слишком долго прожил под землёю, в четырнадцать пора вернуться к людям... Смотрю в разверзающуюся печь – рябым мне чудится скопление человеческих тел! Закрою глаза – становится жутко, как в забое!

Работа нам нужна другой породы —
над грудой выработанной породы...

* * *

«БУНТ»

...Зори люблю – все на свете, и сумерки все – ненавижу. Как бескорыстны пути, коль они бесконечны! Как прекрасны рассветы, коль не знают заката! Как полезны предметы, чьи секреты забыты!.. Колоннады в руинах, и разбитые вазы, и изломанность линий, и капризы природы, где не властны приказы!

Плыть, как лодки без вёсел, и летать, словно птицы, что покинули гнёзда! Быть негаданной вестью, быть внезапным бутонем, смочь нарушить однажды ход событий – движение по кругу! Остановить землю!..

Два и два суть четыре... Только кто ж это знает? Ну а если открою, что один – не один?..

* * *

...Утро, похмельное утро. Проснулись забытые было тревоги... Истаяла радость от чтения червём источенных книг... Зеленые сари равнодушно повисли на убогой циклограмме. Вчерашняя странная девушка боится, чтоб я случайно не проник ей в душу... Корявая палка нищего горбуна штемпелюет тротуар. Я считаю точечные удары... Он не знает, как больно можно меня ударить...

Здесь мы пили вчера...

Мать совала мне в худую ручку холод медной монетки, карандашный огрызок, затёртые билеты в цирк – подарки вчерашнего дня... То была моя мать... Умерла... Еще бы – даже многоэтажный дом по соседству обветшал и готов вот-вот развалиться... Скорее бы лето... Дни пестры и круглы, словно глобус, словно последние дни мальчишеских школьных забот... Словно бы кончается детство...

Медленно руку высвобождаю из-под обломков... Ищу ножки шкафа – от него пахло книжным старьем. Вот они, мои дети. Мирно спят, не просыпаясь. В этот мир я привёл их. Наверное, я отпил своё, и отгулял...

Славословие в честь Человека со скрипом уходит в песок... Утро... Рамсан-маклер, заходит потолковать. Глупец, сел верхом на гробе – вроде как на лошади... Глупый клоун: в старом гробу обломки его разбитых сердец... Кто ищет покоя! Непокой и тоска – в них счастье... Смотрите, что есть у меня! (Я трезв, я не пьян.) Мои руки, родные мои, они не дадут мне пропасть, они вернулись ко мне из далёких стран...

* * *

...Всё больше и больше мне лет, всё чаще хромает память... Вселенная всё разрастается, и давит на вспыльчивый рассудок гнёт всего, что мне не суждено узнать... Под тяжестью стеклянной тары прогнулись полки в кладовой... В немом пространстве кружится голова... Могу ли я постичь богатство это, эту бедность?... Просеиваю сквозь пальцы пыль бытия, ни пыли не ведая строение, ни пальцев... Хочу объять всю жизнь, не зная ни что такое кровь, ни как вещает радио на сотне незнакомых языков, ни что в одной лишь женщине меня влечёт, чьи губы заставляют полыхать всё тело в немыслимом космическом огне, когда Сатурн-двурогий за нами наблюдает, но мы вне поля зрения скандального отца... Слетать сегодня можно на Луну и поиграть в футбол, напиться в «Тадж-Махале» и вовремя быть дома к чаю. Но для меня любовь значит гораздо больше любого познавательного тура, хоть описать её достойно не могу...

Она есть
сумма
всего, что я когда-нибудь узнаю, и
всего, что мне узнать не суждено...

* * *

...На двадцать вторые сутки, когда изменилась погода и весь я зарос бородой, взглянул я на солнце утром, кивнул ему в час восхода – настало время для дела, оставшегося за мной... Где-то на дальней окраине этого жалкого городишки меня ожидали солнце и велосипед. Не просто веломашина – спасение от одышки, зов слов, для которых места без ритма педалей нет... Мне чуден крик человеческий. Возникнув из темноты, люди моих эпох готовы спрятать спины и плечи в спичечный коробок, забыв про мышцы и иную силу... Трудность моя в едином – в том, что я знаю вещи. А знать – всё равно, что напасть. Всякий раз мне приходилось искать новый окоп от зловещих вещей...

Враг.

Но его не видно, имя не скажет радио. У меня есть лишь два слова: хлеб и соль. Очевидно, третье дадено врагу. Соседская собака, лениво меня облаив, приветливо обнюхав, привычно пошла следом. Мы с ней решили, что гораздо логичней натруженная спина человека стала в сравнение с его лицом... Тогда-то я впервые ощутил себя в согласье с другими. Значит, живой я в конце концов.

* * *

Куда бы ни вела меня дорога, я непременно возвращаюсь домой. О боже мой, какое это чудо – услышать заветное: «С возвращением!» И ничего доказывать не нужно – каким

я был вчера иль стал сегодня. Не спрашивают паспорта усталые дороги и удостоверения – растрескавшиеся зеркала. Но с каждым новым поворотом неба меняюсь и я. И неба повороты то бывшее вдруг сделают реальным, то вдруг грядущее – осуществлённым. Однако миру это безразлично – лишения, скитания, утраты, любовь, с которой суждено проститься, – есть у эпохи лозунг: «Всё равно!» Вот почему я порой немею в кругу друзей, и лица их мне кажутся сплошным рисунком – сбивчивым, туманным, как очертания африканских рек... Не все ли там равно, о чём мы спорим, зачем слова изводим понапрасну? Ведь стол всегда останется столом, летает он или стоит на месте... Живём, топчась в кругу непонимания. Отделены артерии от тела. Но кто же, кто повинен в том, скажите?! Ведь даже звездам больно от гвоздя в моем ботинке...

* * *

...Когда я вернулся, там никто не помнил, какое сегодня число какого столетия! Даже башмаки забывали колоть гвоздями исколотые ступни, засунутые в них... Было время расплаты по счетам, было время, когда город складывал просохшее белье, хотя даже в парикмахерской никто не рассказал мне эту новость... Я долго стоял на остановке, ожидая драный автобус, а когда прошло время, снял пиджак и перекинул его через плечо...

Время мёртвым пауком повисло на моей шее...

Я нисколько не поверил, когда мой зубной врач сказал, что в наше время человеческая жизнь уходит на то, чтоб ухитриться, после того, как всё на свете кончится, навеки сохранить немножко зубного порошка...

Шёл дождь, и от него казалось, будто город в любую секунду может измениться – одним лягушачьим прыжком...

Я равнодушно посмотрел на них – на кого посмотрел не могу сказать – они тесно обсели грязноватый стол в прокуренной комнате... Я громко сказал: «Время же уходит!..» И всё, что я сказал, я сильно и отчётливо ощущал в собственных коленях. Но насколько помнится, я в это время думал о моем дорожном одеяле, а еще точнее – думал о тех концентрических кругах, что разошлись бы по истории, расстели я на ней мое пуховое одеяло... Я думал о том месте, где моя истерзанная ненавистным ненастьем душа в последние двадцать четыре часа тёрлась о позвонки...

* * *

Если петь – то о чем?.. Говорить – к чему? Не знаю. Вот и молчу и молча сгораю в своих «хочу», в диких желаниях выорать людям всё, что во мне происходит, и то, что рядом нащупываю обессиленной рукою и взглядом и чего ещё не пойму... Да и важно ли это? Я всего-то лишь человек, навек осуждённый петь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.